О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Наша землячка Евгения Александровна БРЮХАНОВА, которую мотыгинцы знают как директора МСШ № 1, как основателя музея, сейчас живет в Москве вместе со своими близкими родственниками. Когда я у нее спросила, довольна ли она своей жизнью теперь, Евгения Александровна ответила: «Мне нравится жить в Москве, очень интересно. Но боюсь терактов. Не знаешь, с какой стороны чего ждать, и никто не сможет уберечься от несчастья».

Сейчас Евгении Александровне 81 год. В сентябре она снова приехала в Мотыгино и поделилась с нами воспоминаниями о блокадном Ленинграде и своей военной юности.

Мы можем видеть события, происходящие сейчас в стране по телевизору: это и война в Чечне, и трагедии терактов. Великая Отечественная война была давно, но это тоже незабываемая трагедия для всего народа и каждого человека. Слезы и жалобы на судьбу тогда мало могли помочь. В то время нужно было всем советским людям встать стеной против общего врага. И люди стояли: старики, дети, женщины - в тылу, а бойцы - на фронте.

Евгения Александровна в 1940 году стала студенткой педагогического вуза в Ленинграде. Как она вспоминает, молодежь того времени была бойкой, и почти все умели обращаться с оружием, умели оказать первую медицинскую помощь. Студентка Женя также окончила курсы связистов. Но в первые месяцы немецкого наступления всем студентам пришлось выехать на рытье противотанковых окопов. Вместо трех дней, как обещали, им пришлось трудится 21. Полуголодные ребята и девчата знали, что врага можно остановить только сообща. Когда отцы и братья стреляют по врагу, в тылу льют пули, готовят снаряды, делают танки и самолеты, а молодежь, оставшаяся в городе, тоже должна вложить свои силы в общее дело.

Вернувшись в город, студентки получили задание: во время бомбежек быть на крыше института и по рации передавать в штаб сведения об упавших на город бомбах. Все жители прятались в бомбоубежищах, а храбрые студенты (и не только они) спасали город от разрушения. Наступил ноябрь, мороз был как никогда сильный - до минус 35 градусов. Суточный паек составлял: хлеб 125 граммов, плиточка жмыха размером с детскую шоколадку и такая же плиточка столярного клея. Девчата разводили клей в холодной воде, добавляли жмых и варили студень. К тому времени, когда сообщили о том, что студентов будут эвакуировать, некоторые подруги Жени уже умерли с голоду. Но были и счастливые случаи. Студентку Тасю Жук, как вспоминает Евгения Александровна, посчитали умершей и оставили в общежитии, чтобы потом забрали санитары. Но первым Тасю обнаружил ее друг, который вывез подругу в военный госпиталь и таким образом спас. Каково же было удивление Евгении, когда она получила от Таси письмо из Казахстана и узнала, что девушка осталась жива. При росте 1,7 м Женя весила 41 килограмм.

И вот девчат и ребят погрузили в автобусы. Дорога лежала по Ладожскому озеру. Начался очередной артобстрел, и идущий впереди автобус на глазах у остальных провалился под лед и затонул вместе с ребятами из медицинского вуза.

В хороших теплых вагонах студентов отправили в сторону Кавказа, в Кисловодск. Ехали почти месяц. Там, в санатории НКВД, стали кормить понемногу, так как при дистрофии сразу много давать пищи нельзя. У Евгении было крепкое сибирское здоровье, и она скоро поправилась. Впрочем, девчата были молоды, организм их быстро преодолевал все трудности. Чтобы как-то заработать себе на еду (уже после санатория), стали работать в колхозе. А тут пришли немцы, началась оккупация. На квартиру, где жили девочки, поселился немецкий офицер Алоис (фамилию не помнит). Вроде бы не притеснял, но однажды сказал: «В Ленинграде вы всех кошек и собак поели, вот и выжили...». Одна из девчат, Ира, закричала, что это неправда. Тогда Алоис стукнул своим стеком (плетка со свинцовым наконечником) по столу. Девчонки испугались, что немец разозлится, и потом долго не пускали Иру на работу, чтобы она не показывалась фашисту на глаза. Оккупанты стали отбирать у советских жителей паспорта и обменивать их на немецкие аусвайсы. Но девчата решили ни за что не отдавать свои паспорта. Очередь к коменданту была большая, находчивые студентки вставали в конец ее, и когда подходил их черед, они не успевали сделать обмен, но им давали справку, что они на обмене были. Однажды на рынке в Кисловодске, куда девочки ходили продавать собранные в мешки сучья (на дрова), немцы сделали облаву. Построили узкий коридор и стали пропускать людей по одному, проверяя, есть ли аусвайсы. Спас девчат один из кавказцев, который быстро подъехал к ним на большой телеге, крикнул, чтобы прыгали к нему, а потом на всем скаку проехал мимо поста (кавказцев немцы не проверяли).

Еще был случай, который запомнился Евгении Александровне на всю жизнь. Шли они по полю, и вдруг над головами появилась немецкая «рама» (самолет-разведчик). Девчонки бросились к ближайшему лесочку укрыться. «Рама» улетела. Они снова пошли, и снова появился самолет, как будто немецкий ас решил поиграть в «кошки-мышки». Тогда комсомолки гордо встали посреди поля, чтобы достойно встретить фашистские пули. Но удивительно, летчик отчего-то не нажал на гашетку. Покрутился над замершими в страхе девчатами, и им даже показалось, что качнул крылом. Самолет был так близко, что Женя успела разглядеть белокурые волнистые волосы, огромные очки летчика и краги на руках. Почему он не стрелял, непонятно, ведь только стоило нажать кнопку, и девчат смело бы пулеметной очередью. Видимо, Бог им помог, так считает Евгения Александровна.

Потом довелось Евгении и ее подруге встречать наши войска. Первыми в городок, где они жили, вошли советские танки. И все самое лучшее, что могло быть у ограбленных оккупантами жителей, поставили на стол для наших воинов. Девчата дали родным телеграммы и вскоре поехали домой. Конечно, то, что они были в оккупации, хоть и сохранили паспорта при строгом тогдашнем военном режиме, наложило отпечаток на их дальнейшую судьбу. Но подруга Евгении Александровны Людмила Олишевская после войны вернулась в Ленинград, окончила институт, начала работать. А Евгения Александровна всю свою трудовую жизнь посвятила образованию детей в Мотыгино. И работала так, что стала образцом трудолюбия, жизнестойкости для мотыгинцев.

В честь 300-летия Санкт-Петербурга она награждена почетным знаком, в честь 60-летия снятия блокады Ленинграда - памятной медалью.

Н. МОРОЗОВА.